

Как фспомню... Так сразу не могу, замаражываить. Мама мая сразу плакать. Вот к тѣти Оли [неразб.] зашли, мама павалилась, у ёй плоха, ана ня можыть.

Вот тут у нас такой роф... вот туда, за Скóкава. Роў был, значыт, выкапан вот какой-та танкавый роф, как вот первый фронт шол. Нашы атступали. И вот в эат роў привяли. Их на роў поставили и фсех застрялили. И яво, и патом там два мушшыны, и две жэншшыны была. Значыт, пришли йих мужья, ну, и прятались. А кто стрелял? Апать наш русский чэлавек. Не немец стрелял, а наш русский.

Ну пришли ани п там и жыли, жыли п там ф падвале или в лясу. А дамой прихадили. И кто-та там паткараулил, што разгавариваить. Ана, например, анна живѣть, у яё рябят не была шше. Маладая. А с кем-та разгавариваеть, ну как там штор не была, либа плоха завесили вокна. И, значит, падглядели. Написали заявление, приехали к ним, нашли ф падвале и забрали. Пасадили в эту избу. Пака ани ешшо сидели, даждыдались и растреляли. Учительницу, у нас была па немецкаму языку Галина Канстантинавна, такая харошая учительница, – тожэ растреляли. Патом рассказали, што ана с партизанами свясь имела. Ужас был.

Бывала, саздан у их тут ф Скóкаве был штап йихный. И была так сказана: «Если только пришел незнакомый чэлавек и не саапшыли, то будут ани, значыт, и растреливать и жжыгать». Бывала, придѣт кто, и не знаеш, каво гаварить.

Записано от Александровой Анны Владимировны, 1927 г.р.; д. Вяз Н-Сок. р-на Пск. обл., 1988 г.